

Шэнь Ланьшу бросил на него взгляд и неопределенно произнес:

— Послезавтра улетаю в Киото.

Цзи Синье, еще не знавший, что Циньянь тоже собирается ехать, невольно разжал кулаки и вежливо поинтересовался:

— На какой рейс билет? Нужно ли нам с Циньянем проводить тебя?

— Не стоит, мой помощник отвезет меня.

— Вот как. Тогда желаю тебе счастливого пути.

Перебрасываясь парой фраз, они вскоре дошли до ворот. Шэнь Ланьшу втолкнул собеседника во двор и с облегчением выдохнул:

— Господин Цзян, на этом я прощаюсь. Увидимся завтра.

Сказав это, он одарил Цзи Синье многозначительным взглядом и ушел. Цзи Синье остался в полном недоумении от такого прощания.

Он перехватил ручки инвалидной коляски и, нахмурившись, задумчиво покатил ее к веранде. У самой двери он помедлил, подошел к Циньяню, снял очки, присел на корточки и, глядя на него снизу вверх, спросил:

— Циньянь, ты... ты все еще любишь его?

У Цзи Синье были очень красивые персиковые глаза. Обычно за стеклами очков это было незаметно, но стоило ему снять их и сфокусировать на ком-то пристальный взгляд, как у собеседника возникала иллюзия глубочайшей привязанности, в которой хотелось утонуть, как в нежной ловушке.

И ему ужасно нравилось смотреть на Цзян Циньяня именно так, сняв очки.

Под таким пронзительным взглядом, да еще и при столь приятной внешности, человек со слабой волей легко мог сдаться, не говоря уже о самом Цзян Циньяне, который был давно и безнадежно в него влюблен.

Сам же Цзян Циньянь тоже любил, когда на него так смотрели: это создавало иллюзию, будто его глубоко любят. Однако нынешний Цзян Циньянь — вернее, тот, кто занял это тело, — лишь хотел сказать, что прежние чувства остались в прошлом. К этому взгляду, как и к самому Цзи Синье, он был абсолютно равнодушен.

Поэтому он не ответил, а решительно произнес:

— Я еду в Киото вместе с Шэнь Ланьшу.

— Ты едешь в Киото с господином Шэнем?

Обычно ветреные глаза Цзи Синье на миг потемнели, в них промелькнуло что-то сложное, но он постарался придать голосу легкость:

— Разве ты не говорил, что не поедешь? Почему вдруг передумал?

— Потому что он предложил слишком хорошие условия.

Этот ответ застал Цзи Синье врасплох. Он-то думал, что Циньянь просто не хочет расставаться с этим Шэнем, но причина оказалась иной, и это принесло ему облегчение:

— Что он тебе предложил? Деньги?

— Работу и будущее, — ответил Циньянь.

— Я тоже мог бы помочь тебе с работой. — Цзи Синье думал, что Шэнь просто откупился деньгами, чтобы забрать Циньяня в Киото, и не ожидал такого поворота. Он усмехнулся и мягко добавил: — Я видел, что ты последние два дня искал работу. Сегодня как раз заходил к старому Ваню, в его компании как раз не хватает начальника отдела сетевой информации, я порекомендовал тебя.

Старый Ван был отцом Цзи Синье.

Циньянь серьезно посмотрел на него и прямо спросил:

— Как ты думаешь, может ли новичок, который окончил вуз по специальности программной разработки всего год назад, справиться с должностью начальника отдела?

При всей своей гордости Циньянь обладал трезвым взглядом на вещи, когда речь заходила о незнакомой работе. В этом плане Ленивец все продумал: личный секретарь — это работа на босса, а не на компанию, поэтому обязанности зависят исключительно от воли нанимателя.

Но Цзи Синье попросил у отца руководящую должность. Даже если он справится, что делать, если подчиненные не захотят подчиняться и начнут вставлять палки в колеса? Если в сети компании произойдет сбой, сможет ли он избежать ответственности?

Конечно, Цзи Синье действовал из лучших побуждений.

Поэтому, высказавшись, Циньянь смягчил тон и, глядя на поджавшего губы Цзи Синье, продолжил:

— Я знаю, что ты заботаешься обо мне. Но решение поехать в Киото я принял после долгих раздумий.

Сказав это, он похлопал Цзи Синье по плечу:

— Не волнуйся, наша братская дружба не ослабнет из-за расстояния.

Цзи Синье открыл рот, желая сказать, что имел в виду совсем другое. Но что именно — объяснить не мог. Стоило ему представить, как Цинъянь будет проводить дни напролет с этим Шэнем, как на душе становилось беспокойно, а мысли путались.

Он пристально посмотрел на человека с решительным взглядом, молча поднялся, обошел коляску и тихо произронил:

— Если в Киото будет не по себе, дай знать. Я приеду и заберу тебя.

— Хорошо, — ответил Цинъянь.

Больше сказать им было нечего.

А вот Шэнь Ланьшу, вернувшись в отель, из-за той вечерней сцены всю ночь видел сны, которые трудно описать словами. Приняв душ и легши в постель, он долго не мог уснуть, в конце концов сел и закурил. Никотин немного успокоил бушующие мысли.

В тридцать лет у мужчины потребности в плотских утехах уже не так сильны, как в юности. Да и Шэнь Ланьшу никогда не был ими одержим, его единственной страстью было зарабатывать деньги и коллекционировать красивые вещи. Подобный сон приснился ему впервые, да еще и с мужчиной в главной роли...

Шэнь Ланьшу, держа сигарету двумя пальцами, откинул одеяло, взял пепельницу и подошел к панорамному окну. Раздвинув шторы, он увидел сияющий огнями ночной город. Глядя на неоновые вывески внизу, он вдруг почувствовал боль в желудке, но еще сильнее болело самолюбие: ведь еще днем он уверял Цзян Цинъяня, что мужчины его не интересуют, а ночью увидел его во сне, да еще и...

Он с силой затушил сигарету.

На следующий день в полдень Цинъянь, госпожа Цзи с сыном и приехавший Шэнь Ланьшу отправились на кладбище проститься с дедушкой Цзяном.

Вернувшись, они пообедали вместе. Шэнь Ланьшу выглядел так, будто не спал всю ночь, и постоянно зевал. Цзи Синье всю дорогу хранил молчание. Госпожа Цзи переводила взгляд то на Цинъяня, то на хмурого сына, лишь вздыхая про себя. После обеда она отвела Цинъяня в сторону.

— Помню, когда вы с дедушкой только переехали, ты был таким крошечным, сидел в этой коляске, не говорил и ничего не ел, дедушка тогда места себе не находил. Глазом моргнуть не успела — дедушки не стало, а ты вырос и стал настоящим мужчиной.

Она похлопала его по плечу, и в ее глазах читалась искренняя теплота:

— Я переживала, что в Киото тебе придется жить на птичьих правах и ты будешь несчастлив — ведь ты такой молчун. Но хорошо, что парень из клана Шэнь знает меру. Тетя Цзи поддерживает тебя: настоящий мужчина должен стремиться к великим целям.

Госпожа Цзи говорила бодро, но глаза ее покраснели. Цинъянь, не имевший опыта в утешении людей, особенно старших, проявлявших к нему доброту, растерялся. Но госпожа Цзи вдруг смахнула слезы, достала из кармана карту и сунула ему в руку. Не давая ему опомниться, она прижала его ладонь своей:

— В Киото ты человек новый, везде нужны деньги. Считай это долгом от тети Цзи. Когда разбогатеешь, вернешь с процентами.

После развода госпожа Цзи больше не выходила замуж, хотя кавалеров у нее хватало. Она была местной, с собственным жильем и машиной, а при разводе отсудила у бывшего мужа солидную сумму — настоящая богачка, скрывающаяся среди обывателей.

Цзи Синье не верил в любовь, возможно, из-за неудачного брака родителей. Но свою ветреность он явно унаследовал от матери, любившей в молодости содержать молодых красавцев.

Рука Цинъяня, готовая было отказаться, замерла. Он посмотрел на госпожу Цзи, и его губы тронула искренняя улыбка:

— Спасибо, тетя Цзи.

— Раз называешь тетей, к чему эти церемонии? — она шутливо нахмурила брови. — Иди собирай вещи. Много не бери, все купишь на месте. А если дедушкины вещи неудобно везти, оставь их здесь, я пришлю их позже, когда устроишься.

Вещей у дедушки Цзяна было немного. Кроме одежды — только курительная трубка, с которой он никогда не расставался. У самого Цинъяня тоже почти ничего не было, поэтому, когда Цзи Синье пришел помочь, он упаковал все довольно быстро. Однако, зайдя в комнату, Цзи Синье замер, увидев пустые столы и прикроватные тумбочки, где раньше стояли рамки с фотографиями.

На следующее утро роскошный автомобиль Шэнь Ланьшу показался у въезда в деревню Жуншу.

Цзи Синье пришел проводить Цинъяня. Увидев, как Шэнь Ланьшу в безупречном костюме

выходит из машины, забирает коляску и наклоняется, чтобы поднять Цинъяня на руки, он почувствовал, что теряет что-то бесконечно важное. В груди образовалась пустота, от которой стало невыносимо больно.

Это чувство переполняло его, заставляя сделать хоть что-то. Но, открыв рот, он не нашел слов. Он мог лишь беспомощно смотреть, как Шэнь Ланьшу сажает Цинъяня в машину и захлопывает дверь, навсегда отрезая его от того, кто, как он думал, никогда его не покинет.

Тупая боль расплзалась по сердцу, усиливаясь с каждой секундой. Казалось, невидимая рука сжала его сердце, глаза защипало, взгляд затуманился. В этот момент машина тронулась.

Он смотрел на закрытые окна заднего сиденья, и в памяти всплывали картины последних десяти с лишним лет. Кадр за кадром, с поразительной четкостью, пока все не остановилось на вечере его восемнадцатилетия, когда кто-то пьяным голосом прошептал ему на ухо: А-Син, я люблю тебя.

Любишь меня?

В голове Цзи Синъе словно прогремел взрыв. Медлительное сердце еще не успело осознать услышанное, а ноги уже бросились в погоню. Но машина была уже далеко, и ее задние фонари постепенно исчезли за поворотом, несмотря на его крики.

Он дрожащими руками достал телефон и набрал номер. Трубку сняли после первого же гудка. Он, не переводя дыхания, выпалил в трубку:

— Цинъянь, ты можешь не ехать в Киото?

Цинъянь посмотрел на экран телефона. Увидев имя А-Син, он приподнял бровь. Шэнь Ланьшу, сидевший рядом, бросил на экран быстрый взгляд, и его губы, только было растянувшиеся в улыбке, дрогнули, когда он услышал голос Цзи:

— Цинъянь, не уезжай, я... я...

— Цзи Синъе! — Цинъянь, словно зная, что тот скажет, перебил его: — Ты навсегда останешься моим лучшим другом! Это твои слова, и сейчас я думаю так же.

С этими словами он повесил трубку.

Эмоциональная тупость — не грех. Грех в том, что он уже не тот человек, который нужен Цзи Синъе.

Цзян Цинъянь никогда не открывался Цзи Синъе. Единственный раз был в тот самый день рождения, когда Цзи Синъе был пьян. Цинъянь прошептал ему на ухо: А-Син, я люблю тебя. Слышал ли это Цзи Синъе на самом деле или притворился — знал только он сам. Но на

следующий день он привел к Цинъяню невероятно красивую девушку, представив ее как свою подружку. Цинъянь решил, что он все-таки слышал.

— Это звонил твой навязчивый друг детства? — небрежно спросил Шэнь Ланьшу.

Но в его голосе Цинъяню послышались нотки ревности. Он убрал телефон и, бросив на Шэня боковой взгляд, заметил, как тот невольно нахмурился, а уголки его губ как-то странно дернулись. Цинъянь перевел дух и произнес:

— Помнишь, что ты сказал позавчера за ужином?

— О чем ты? — Шэнь Ланьшу не сразу понял.

— Ты сказал, что мужчины тебя не интересуют, — Цинъянь усмехнулся. — Надеюсь, ты запомнишь эти слова. Мне нужна здоровая рабочая атмосфера.

Цинъянь уже не был тем наивным парнем, каким пришел в этот мир. За две жизни он выучил Шэнь Ланьшу так хорошо, что стоило тому открыть рот, как он уже знал, что тот скажет. «Держись, Ленивец, впереди у тебя веселая жизнь!»

Однако Шэнь Ланьшу не нужно было ждать будущего — ему было не по себе уже сейчас.

Даже у человека с самым низким эмоциональным интеллектом, если ему две ночи подряд снится один и тот же эротический сон об одном и том же человеке, рано или поздно наступит прозрение. А Шэнь Ланьшу был отнюдь не глуп — он просто никогда не имел дел с любовными интригами, поэтому и не мыслил в этом направлении.

Но стоило ему понять, как многие упущенные детали сложились в единую картину.

Например, когда он после похорон дедушки Цзяна пошел на кухню за едой и услышал разговор Цзян Цинъяня и Цзи Синье. Цзян Цинъянь сказал: «С первого взгляда, как я увидел его, дыхание сбилось, сердце бешено заколотилось...» В тот момент у него самого сердце пропустило удар.

Поэтому, когда Цзян Мянъ сказала, что дедушка хочет обручить ее с Цзян Цинъянем, он почувствовал необъяснимое раздражение, которое списал на самодурство старика. Но позже, когда дедушка предложил оставить Цзян Мянъ, он, не раздумывая, убедил его оставить вместо нее себя — под предлогом того, что Цзян Мянъ не умеет убеждать молчаливого Цзян Цинъяня.

А причина, которую назвал Цзян Цинъянь? Она была хороша для дедушки, но он все равно нашел повод остаться. «Внуков много, не жалко» — старик, каким бы он ни был, не стал бы просто так отдавать своих внуков на выбор Цзян Цинъяню.

А личный секретарь? При всемогущем Ли Сэне зачем ему еще один секретарь?

В общем, Шэнь Ланьшу все понял. Но было уже поздно, потому что...

Он посмотрел на холодного юношу рядом, раздраженно ослабив галстук. Стало душно, нечем дышать. Он снял пиджак, расстегнул верхние пуговицы рубашки, и, почувствовав облегчение, закинул ногу на ногу, откинувшись на спинку сиденья:

— Я постараюсь создать для тебя комфортные условия.

Цинъянь бросил на него взгляд. Этот Ленивец еще и в словесные игры с ним играет. Но он не стал ничего говорить — ведь он приехал сюда именно для того, чтобы заставить эту ленивую драконью натуру влюбиться в него без памяти. А когда он вернется в Мир Богов, имея на своей стороне Ланьшу и Си Шэна, который предал богов ради любви к демону, — пять против двух, он не верил, что демоны не смогут захватить власть!

Приехав в Киото, Цинъянь день отдохнул в квартире, предоставленной Шэнем, а на следующий день отправился в родовое поместье клана Шэнь навестить старейшину.

Поместье располагалось в районе сыхэюаней во втором кольце города. Красные лакированные ворота, за которыми открывался вид на тихие, изящные дорожки. Машина въехала в длинный коридор, где сработал автомобильный лифт, опустивший их в подземный гараж.

Весь этаж гаража в Киото, где каждый метр на вес золота, выглядел роскошно. Едва Шэнь Ланьшу выехал из лифта, к ним подошли двое в униформе. Один открыл багажник, другой — водительскую дверь.

Шэнь Ланьшу, даже не вынимая ключи из замка зажигания, вышел, обошел машину, подхватил Цинъяня на руки, посадил в коляску и направился к лифту.

— Сегодня суббота, вечером приедут второй дядя, младший дядя и двоюродные братья. Если не любишь шумные компании, пообедаем и сразу уедем.

В клане Шэнь было много народу. Всего шестнадцать человек, считая старейшину. Но все они, кроме старшей ветви, жили отдельно и собирались только по субботам. Цинъянь, услышав это, вдруг вспомнил кое-что и спросил:

— Твои родные знают, что дедушка хочет обручить меня с Шэнь Цзянмянь?

Шэнь Ланьшу замер. Он не предупредил Цзянмянь, но родители, скорее всего, уже в курсе. А если знают родители, то знают и дяди, и братья. Он раздраженно дернул галстук. Старшие, конечно, промолчат, а вот братья — особенно близнецы, седьмой и восьмой, которые просто обожали Цзянмянь, — те еще черти.

Он смягчил голос:

— Я разберусь с этим.

Лифт остановился. Когда двери открылись, их встретил старейшина Шэнь, опирающийся на трость. Увидев Цинъяня, он просиял, оттолкнул Шэнь Ланьшу, бросил трость и ухватился за ручки коляски:

— Приехал! Я уже велел подготовить тебе комнату, сейчас пойдем посмотрим, если не понравится — сразу скажи дедушке...

Старый дворецкий сочувственно взглянул на Шэнь Ланьшу. Тот лишь покачал головой, подбирая трость старика. Старейшина выглядел неважно, но, увидев Цинъяня, заметно оживился.

Вспомнив о вечернем ужине, Шэнь Ланьшу сказал:

— Дедушка, Цинъянь пока не будет жить здесь.

— Почему? — старейшина нахмурился. — Я еще не отправился на тот свет, а ты уже решил, что здесь главный?

— Дедушка! — Шэнь Ланьшу нахмурился, сдерживая досаду. Но прежде чем он успел что-то сказать, заговорил юноша в коляске:

— Дедушка Шэнь, я уже нашел жилье. Я приехал в этот раз просто навестить вас.

Старейшина помрачнел, снова косо взглянул на старшего внука, затем смягчился и, обойдя коляску, заботливо спросил:

— Дитя, почему не хочешь жить здесь? Это Шэнь-старший тебе что-то наговорил?

Шэнь Ланьшу, которому присвоили титул «старшего брата», вспомнил их первую встречу и чуть не скривился. Но он еще не рассказал дедушке, что Цзян Цинъянь любит мужчин, поэтому старик принял его за будущего зятя.

Он взглянул на юношу в коляске. Тот, сохраняя невозмутимое спокойствие, слегка улыбнулся и взял старика за руку:

— Нет, дело не в этом. Я приехал в Киото работать. Снял жилье рядом с офисом, чтобы было удобнее.

Старейшина сразу понял, что это отговорка. Но, уважая чувства Цинъяня, не стал расспрашивать, лишь кивнул:

— Хоть ты и живешь отдельно, это твой дом. Комната будет ждать тебя, приезжай, когда захочешь.

— Хорошо, — ответил Цинъянь.

Старейшина покатыл его через внутренний двор в отведенную комнату:

— Цинъянь, отдохни немного, в шкафу есть одежда. Как обед будет готов, я пришлю Ланьшу за тобой.

Старик увел Шэнь Ланьшу. Оставшись один, Цинъянь осмотрел комнату. Чисто китайский стиль, деревянная структура, мебель из красного дерева, ширма, кровать-лохань.

<http://bllate.org/book/19897/1958728>